

CASE STUDIES

УДК 316.4

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-109-139

КОРОНАВИРУС В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. ОПЫТ ФОКУС-ГРУППОВЫХ БЕСЕД

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник. Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. 117218, Российская Федерация, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: raisabarash@gmail.com

Обращаясь к данным социологических исследований, реализованных методом фокус-групповых бесед в трех российских регионах (в Республике Башкортостан, в Вологодской области и в городе Москва), автор исследует влияние пандемии коронавируса 2019-2021 гг. на восприятие россиянами актуальной ситуации в стране, общественную консолидацию и востребованность в качестве объединяющего ресурса социальных медиа. Автор резюмирует, что пандемия не только показала низкий уровень консолидации российского общества, но и усилила его разобщенность, подтвердив, что за ближним кругом семьи, друзей и отдельных единомышленников россияне разрознены. Несмотря на интенсивное использование россиянами социальных медиа в период пандемии, цифровая коммуникация в России сегодня востребована преимущественно молодежью, принципиально избегающей телевизионного контента. Постоянно обращаясь к новостному и аналитическому контенту интернет-медиа, российская молодежь, однако, с большой осторожностью и даже с недоверием относится к любой информации СМИ, получаемой как из цифровых, так и из традиционных новостных источников.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, социальная консолидация, социальные медиа, фокус-группы

Цитирование: Бараш Р.Э. Коронавирус в контексте российской повседневности. Опыт фокус-групповых бесед // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 109-139. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-109-139

COVID-19 IN THE CONTEXT OF THE RUSSIA'S CITIZENS' EVERYDAY LIFE. SOME CONCLUSIONS OF THE FOCUS GROUP DISCUSSIONS

Raisa E. Barash – PhD in Political Sciences, leading researcher. Institute of Sociology of

Applying to the sociological data from the focus group research, conducted in three Russia's regions (in Republic of Bashkortostan, in Vologda

FCTAS RAS. 24/35 bld. 5,
Krzhizhanovskogo St., Moscow
117218, Russian Federation;
e-mail: raisabarash@gmail.com

Region and in Moscow city), the author examines the impact of the COVID-19 on the emotional condition of the Russia's citizens and their perception of the current situation in the state, as well as on the social consolidation during 2019-2021 and on their attitude towards digital communication. The author summarizes that the pandemic has highlighted the low level of interpersonal trust and consolidation in Russia's society and even increased disunity and confirmed that citizens used to care mostly about their inner circle of family, friends and some like-minded people. Despite the intensive use of social media during the pandemic, digital communication in Russia today is demanded mainly by young people who fundamentally avoid television content. Applying regularly to the news and analytical content of the Internet media, Russia's youth, however, treats any information with great caution and distrust, whether it is received from both digital and traditional media.

Keywords: pandemic, COVID-19, social consolidation, social media, focus groups

For References: Barash, Raisa. 2022. Covid-19 in the context of the Russia's citizens' everyday life. Some conclusions of the focus group discussions, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4): 109-139. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-109-139 (In Russian)

Для российского общества пандемия COVID-19 стала одной из ключевых примет периода 2019-2021 гг. Эпидемия и ограничение привычного образа жизни повлияли на физическое и эмоциональное состояние многих людей, сказались на восприятии ими актуальной ситуации в стране, отношений в обществе, его ключевых проблем, отразились на оценке россиянами эффективности реагирования национального правительства на коронакризис.

В России, как и в других странах, пандемия вызвала серьезные социальные и экономические проблемы: рост безработицы¹³, сокращение экономического благосостояния граждан¹⁴, перегрузку системы здравоохранения¹⁵. По всему миру ограничение межличностных контактов, отказ от привычного распорядка жизни стали

¹³ Гимпельсон В. Вторая волна или девятый вал: принесет ли новый виток пандемии безработицу и обнищание // Forbes.ru. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/411033-vtoraya-volna-ili-devyatyy-val-prineset-lipovuyu-vitok-pandemii-bezroboticu-i> (дата обращения: 21.11.2022).

¹⁴ Как коронакризис повлиял на рынок труда // Econs.Online. 2021. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/kak-koronakrizis-povliyal-na-rynok-truda/> (дата обращения: 21.11.2022).

¹⁵ Перегрузка системы здравоохранения в Москве и ложноотрицательные тесты на коронавирус // Bfm.ru. 2020. 10 апреля. URL: <https://www.bfm.ru/news/441091> (дата обращения: 21.11.2022).

причиной распространения психологического напряжения [Gordillo Montaño et al., 2022, p. 530], чувств тревоги за свое здоровье и безопасность близких [Информационно-аналитический бюллетень, 2021], бессилия [Gordillo Montaño et al., 2022, p. 530] и отчаяния от беззащитности перед вирусом [Patil, 2021, p. 27]. Драматичное переживание людьми эпидемии породило дискуссии о важности общественного психического здоровья и включения в национальные системы здравоохранения служб психологической помощи гражданам [Bergeron, Perkins, 2022].

Во многих странах ощущения страха и риска стали ведущими эмоциями повседневности [Majid, 2020; Motta Zanin et al., 2020], определили коммуникационную открытость людей, их готовность к общению и к помощи окружающим в экстремальной ситуации¹⁶, а также персональные стратегии здоровьесберегающего поведения – прежде всего отношение к вынужденной социальной изоляции и вакцинации [Glöckner et al., 2020; Dryhurst et al., 2020]. Эмоция страха стала ключевым мотивом принятия решений как для тех, кто из-за боязни инфекции решил вакцинироваться [Kreps et al., 2020; Vosheva et al., 2021], так и для тех, кто избегал прививки, опасаясь ее неизученных [Sudharsanan et al., 2021] или негативных последствий, считая, например, вакцину и саму инфекцию продуктами заговора национальных правительств [Oleksy et al., 2021] или глобальных групп [Емельянова и др., 2022], в частности фармкомпаний¹⁷.

Отсутствие долговременных научных исследований SARS-COVID-2 и последствий вакцинации, недоверие к официальной информации о пандемии привели к появлению ковид-диссидентов, отрицающих существование коронавируса [Кирзюк, 2021], и коронаскептиков, считающих его опасность преувеличенной [Социология пандемии, 2021, с. 93]. Недовольство мерами государственной поддержки, принуждением к вакцинации при отсутствии коммуникации власти с гражданами [Boguslavsky et al., 2022], чрезмерным государственным контролем и популистским дрейфом демократии [Greco, 2021] во многих странах привело к снижению доверия национальным правительствам [Рязанцев, Храмова, Смирнов, 2021], к их критике [Paul et al., 2021], вплоть до антиправительственных выступлений [El-Far Cardo et al., 2021].

¹⁶ New Poll: COVID-19 Impacting Mental Well-Being: Americans Feeling Anxious, Especially for Loved Ones; Older Adults Are Less Anxious // American Psychiatric Association. 2020. URL: <https://www.psychiatry.org/newsroom/news-releases/new-poll-covid-19-impacting-mental-well-being-amer> (дата обращения 21.11.2022).

¹⁷ Артамонов Р., Лаврентьев Н. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией и режимом самоизоляции. Пятая волна // Hse.ru. 2020. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf (дата обращения: 21.11.2022).

Реакцией ряда национальных правительств на тенденции социальной дезинтеграции стал дискурс единства нации как залога преодоления коронакризиса [Betsch, 2020]. В политическую повестку многих стран вместе с COVID-19 вошли метафоры пандемии как войны и национального вызова [Berrocal et al., 2021], что в ситуации фактической национальной изоляции [Bieber, 2020] способствовало распространению националистического [Berrocal et al., 2021], изоляционистского и даже расистского дискурса [Pratiwi, Tsauo, 2021], а также появлению так называемого вакцинного национализма [Nhamo et al., 2020], когда национальные правительства, сосредоточившись на государственных программах противодействия пандемии, обеспечивали вакцинами и медицинскими товарами собственных граждан, но не оказывали помощь другим странам. Противодействие пандемии превратилось в своеобразное национальное соревнование, когда количества заболевших, погибших и вакцинированных граждан интерпретировались как индикатор общественного здоровья, а значит, социального благополучия и качества жизни, а создание одобренных ВОЗ вакцин против COVID-19 – как признание научно-технического и промышленного лидерства государств. Так что идея международного сотрудничества и взаимопомощи сменилась жесткой реальностью конкуренции за успех в противодействии пандемии и за ресурсы здоровья сбережения собственных граждан.

Политизация пандемии обострила неоднородность общества¹⁸, совместив разногласия граждан в вопросе вакцинации с их специфическими политическими предпочтениями: в Германии сторонники вакцинации чаще голосовали за партии левого толка, а вакциноскептикам был свойственен абсентеизм [El-Far Cardo et al., 2021]. А во Франции готовность к вакцинации коррелировала с поддержкой правящих партий, тогда как антиваксеры не имели конкретных партийно-политических воззрений или придерживались крайних взглядов [Ward et al., 2020].

Эпидемия COVID-19 сама по себе серьезно разделила многие общества, способствуя не только социальной дезинтеграции и отчужденности граждан из-за ограничения социальных контактов [Kim, 2021], но и межгрупповой дифференциации [Lam, 2021]. Одним из ее проявлений стала социальная стигматизация, когда заболевшие COVID-19 или противники вакцинации подвергались остракизму, и группа «мы» (здоровые/вакцинированные) противопоставляла себя группе «они» (заболевшие/антиваксеры), что порождало серьезное социальное напряжение [Berreby, 2005]. Несмотря на активное развитие виртуальной коммуникации [Xu et al.,

¹⁸ Posner E., Bazelon E. Trump is Politicizing the Pandemic. Governors Can Fight Back. The New York Times online. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/02/opinion/governors-states-coronavirus.html> (дата обращения: 21.11.2022).

2022], социальные сети оказались одним из главных ресурсов тиражирования тревоги, стресса и депрессии [Tang, Wong, 2003; Wang et al., 2020], беспокойства и неуверенности в будущем [Мосолов, 2020].

Многие мировые тенденции влияния пандемии на повседневную жизнь людей в полной мере реализовались и в России, но особенно актуальными стали проблемы социальной дезинтеграции, массового недовольства требованиями самоизоляции и вакцинации и дискредитации антиваксеров [Первичко и др., 2020; Рязанцев, Храмова, Смирнов, 2021].

Специфика социально-политического устройства жизни страны и общества, особенности культуры и быта россиян стали основанием для специфической перцепции вируса и стратегий реагирования на него людей в России. Изучению влияния пандемии SARS-COVID-2 на российское общество были посвящены отдельные исследовательские проекты, реализованные в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00505) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Методология исследования

С целью изучения особенностей влияния коронавируса на российскую повседневность и консолидацию российского общества в октябре-ноябре 2021 г. в трех субъектах Российской Федерации: в городе Москве, Республике Башкортостан (город Уфа) и в Вологодской области (город Вологда) – были проведены фокус-групповые беседы, к участию в которых были приглашены граждане РФ, постоянно проживающие на территории этих регионов в течение более трех лет. Поровну были представлены мужчины и женщины, респонденты из возрастных групп 18-29 лет и 30-60 лет. В ходе реализации фокус-групповых бесед в Республике Башкортостан и Вологодской области также соблюдалась пропорция представленности горожан и жителей села. Число участников каждой фокус-группы составило 12 человек, всего в региональных фокус-групповых беседах участие приняли 36 человек.

Основные тренды общественных настроений 2019-2021 гг.

Фокус-групповые исследования, реализованные в трех российских регионах, выявили актуализацию в российском обществе скептически-негативных оценок текущей ситуации в стране. Граждане оценивали ситуацию в целом как проблемную, балансирующую на грани кризиса. Пандемия оказала негативное воздействие на жизнь и здоровье многих россиян, на их психоэмоциональное состояние и привычный образ жизни, стала причиной нарастающе-

го социального недовольства, усиления раздражительности, ощущения апатии и пессимизма, выступила фактором социальной де-консолидации.

- *На фоне коронавируса, который поглотил всех и вся, ничего положительного-то вокруг не видно (женщина, 30 лет, Вологодская область [далее – ВО]).*

- *Все происходящее, начиная от коронавируса, принудительной вакцинации, детей, которые остались года на два без какой-то системы образования, вызывает депрессию. Плюс – накладывается тяжелейшая ситуация с безработицей, люди потеряли работу, заработка, средства к своему существованию (женщина, 37 лет, Республика Башкортостан [далее – РБ]).*

Под влиянием вынужденной самоизоляции граждан и введенных коронавирусных ограничений, разрастающегося чувства беззащитности перед инфекцией в обществе за два «коронавирусных» года стали стремительно расти чувства тревожности и неопределенности.

- *Мне кажется, нарастает тревожность и в обществе, и в личном общении. Потому что вокруг царит неопределенность, невозможность построить планы. Когда срывается все на корню, естественно, это расстраивает. Есть проявление заботы, но негативного эмоционального фона за этот год стало больше (женщина, 60 лет, ВО).*

- *Много людей сейчас умирает. И кто-то постоянно о чем-то тревожится (женщина, 23 года, ВО).*

Участники фокус-групп подчеркивали, что у людей накопилась усталость от стрессового состояния жизни «под угрозой эпидемии», сформировался запрос на «нормализацию» повседневности, возвращение к привычному образу жизни.

- *Я лично вижу в глазах людей усталость. Эти маски, ограничения, QR-коды. Люди хотят уже выдохнуть и жить нормально (мужчина, 22 года, ВО).*

- *Сейчас ощущается общее безразличие людей, апатия. Одно время кошмарили население по поводу коронавируса, сейчас началась акция устрашения по поводу прививок. Люди от этого устают и многим уже на все наплевать. Остаются актуальными вопросы бытового и финансового выживания, а остальное отходит на второй план (мужчина, 38 лет, ВО).*

Эпидемия значительно обострила чувствительность россиян к социальным и экономическим проблемам страны, общества и своей повседневности.

- *Коронавирус, на мой взгляд, просто вскрыл проблемы, которые существуют. В той же медицине. Медицина полностью уничтожена (мужчина, 40 лет, ВО).*

- *Люди пришиблены, кроме коронавируса, своими частными проблемами: инфляцией, высокими ценами на продукты, ЖКХ,*

высокими налогами, системой штрафов и прочее. И так множество людей не уверено в завтрашнем дне по целому ряду причин, а тут накладывается еще и коронавирус. Если раньше были какие-то общеобъединяющие темы, то сейчас каждого человека волнует только одно: как он сам, этот человек, себя экономически чувствует, чем дышит, как живет. Из-за коронавируса вокруг лишь стало больше пессимизма (мужчина, 60 лет, ВО).

*Влияние пандемии COVID-19
на консолидацию российского общества*

Проблематика коронавируса в 2019-2021 гг. сказалась и на консолидации российского общества. Это влияние не было однозначным: с одной стороны, пандемия и последовавшие карантинные ограничения привычного образа жизни заставили многих людей прийти на выручку своим близким, повысили сплоченность ближайшего круга: семьи, друзей, коллег. С другой стороны, за два «коронавирусных» года в обществе накопилась стрессовая усталость и раздражительность.

На первый взгляд, экстремальная ситуация пандемии COVID-19 способствовала социальной консолидации значительной части общества. Многие участники фокус-групп заметили, что окружающие стремились к взаимопомощи, заботе о социально не защищенных группах населения (пенсионерах, инвалидах). Однако такое стремление к помощи людям, нуждающимся в поддержке, многие участники фокус-групп связывали с естественным процессом сплочения общества перед общей угрозой, но не с культурными традициями взаимопомощи, свойственными российскому обществу.

- *Говоря о том, стали ли люди сплоченными сегодня или нет, нужно понимать, что сегодняшнее сплочение – в значительной степени следствие влияния психологического фактора. Все-таки страх, переживаемый в толпе – это ничто по сравнению с ужасом, охватывающим тебя в одиночестве. Людей сплачивает сегодня общее горе, поэтому они часто сегодня расположены друг к другу. Так было всегда: чтобы победить общую угрозу, люди объединяются, потому что одному всегда тяжелее. Сейчас, перед лицом опасности вируса многие объединились (мужчина, 20 лет, Москва).*

Подтверждая тезис об отсутствии в обществе традиции взаимопомощи, многие участники фокус-групп признавались, что необходимую помощь они и известные им нуждающиеся люди получали в первую очередь от своего близкого круга: семьи, друзей, коллег и соседей.

- *Помощь есть. Продукты, лекарство привозились к дверям. Среди родственников и коллег есть взаимопомощь. Вот в нашей*

семье, например, так было: у меня заболела тетя, сразу все родственники предложили помощь. В этом плане человеческие отношения преобладают (женщина, 46 лет, ВО).

- У нас также приезжали знакомые, и коллеги по работе привозили лекарства и продукты. К волонтерам мы не обращались, но с работы коллеги помогали (женщина, 47 лет, ВО).

- Ну, в семье, конечно, помощь есть. Когда я болела, пришлось и родителям на изоляции быть. Нам родные помогали, приносили продукты, звонили, с подружками по интернету переписывалась или созванивались (женщина, 20 лет, ВО).

- Моей маме 83 года. Когда началась пандемия, молодые соседи мамы, которых раньше она не знала и которые прежде почти не здоровались, стали предлагать ей помощь, как-то, видимо, узнав, что по соседству живет бабушка, которой может потребоваться поддержка и участие (женщина, 55 лет, Москва).

Угроза коронавируса и вынужденная самоизоляция действительно сплотили многие семьи, родственные связи стали более трепетными, а отношения – дружными.

- В отличие от общей отчужденности между людьми во взаимоотношениях, внутри семьи у нас появилась сплоченность. Я стала больше переживать за родителей, и, когда в прошлом году в апреле они не выходили на улицу, я старалась купить им продукты или организовать доставку всего необходимого. Мы стали чаще друг друга как-то поддерживать, даже словом. На фоне пандемии внутри семьи у нас улучшились отношения (женщина, 32 года, РБ).

За время коронакризиса высоким оказался и уровень корпоративной взаимопомощи, особенно среди работников социальной сферы, чаще других встречавшихся с вирусом. Врачи и учителя оказывали друг другу посильную помощь, помогали выполнять профессиональные обязательства, поддерживали друг друга морально и психологически.

- Моя мама работает в медицинском учреждении, им всем поддерживали зарплату, и это, в дополнение к тяжелейшим условиям труда медиков, многими переживалось довольно тяжело. Так что мама вместе со своими коллегами начали в нерабочее время пытаться организовывать какой-то совместный досуг, давать друг другу эмоциональную разгрузку, чтобы было не так тяжело (мужчина, 20 лет, Москва).

- Учитывая мою сферу работы [образование, учитель в школе], коллективизм я сейчас чувствую. Мы, учителя, друг за друга. Учителя очень дружелюбные, открытые, мы все вместе работаем. Когда кто-то болеет, мы узнаем, как у него дела. С родителями тесно работаем, с детьми. Мы не можем существовать отдельно друг от друга (женщина, 42 года, РБ).

Но участники фокус-групп довольно редко фиксировали прецеденты массовой антиковидной солидарности, взаимопомощи друг другу незнакомых людей, социально ответственного поведения. Несмотря на отдельные примеры взаимопомощи и попытки сплотиться перед лицом пандемии, российское общество внутренне не консолидировано. Единичные примеры солидарности тонут в общем индивидуализме и анонии.

- *Коллективизма [в обществе] сейчас нет. Стремление к объединению не ощущается (мужчина, 53 года, ВО).*

Показателен хотя и регионально специфичный, но эпохально яркий пример, казалось бы, социальной солидарности и взаимопомощи, но на деле – нежелания россиян, причем не самых бедных, мириться с понижением собственного уровня благосостояния ради окружающих. Участники московской фокус-группы рассказывали о том, что многие граждане потеряли вследствие коронакризиса работу или значимую часть дохода, что поставило вопрос о том, как платить арендную плату за съемное жилье. И, как рассказывали участники фокус-группы в Москве, многие квартирные хозяева сократили размер арендной платы для квартирантов, стараясь таким образом сохранить собственный, хотя бы минимальный доход. Однако в экстренной ситуации, как замечали московские респонденты, арендодатели могли бы на короткий срок бесплатно предоставить жилье оставшимся без работы.

- *По Москве прокатилась волна снижения арендной платы хозяевами квартир для тех, кто эти квартиры арендовал. Люди, которые жили на съемных квартирах, рвали на себе волосы, потому что зарплат нет, компании позакрывали. Из тех людей, кого я знаю – у меня много знакомых артистов – почти 80 квартирных хозяев снизили плату. Раньше они не сделали бы этого ни при каких условиях, на доллар меньше никто не соглашался, а сейчас понимают, что трудно и снижают плату, идут друг другу на уступки, а кто-то ровно наоборот, начинает драть с соседа шкуру (женщина, 55 лет, Москва).*

О том, что в период эпидемии солидарная поддержка и взаимопомощь людей распространялись преимущественно на ближний круг, свидетельствовала и малая включенность граждан в волонтерские инициативы. Мало кто из респондентов лично участвовал в инициативах помощи нуждающимся в течение «коронавирусных» 2019–2021 гг. Практически никто не получал помощь от волонтеров. Но многие участники фокус-групп слышали о волонтерских инициативах по поддержке людей, пострадавших от пандемии или нуждающихся в помощи.

- *Я слышала, что есть волонтерские организации, которые помогали людям во время пандемии, покупали продукты, помогали с уборкой. Но лично сама я таких людей не знаю, я с ними не сталкивалась (женщина, 41 год, Москва).*

Многие участники фокус-групп, особенно живущие в Москве, признавали, что важную роль в антиковидном сплочении общества сыграли усилия и меры государства, направленные на предотвращение распространения инфекции и помощь нуждающимся. Эффективное оперативное реагирование системы здравоохранения Москвы на вызовы пандемии COVID-19 способствовало высокой оценке москвичами социальной политики региональных властей и государства.

- *Мама всем звонила, счастливая, рассказывала, как [московские власти] ей прислали коробку-подарок после вакцинации. В подарочной коробке были прекрасные нужные вещи: хороший аппарат для измерения давления, медицинская косметика. Мама была очень рада. Поэтому нечестно делать вид, что помощи от властей не было, неправильно говорить, что у нас так все плохо. Да, проблем хватает, денег немного, работы у многих из-за пандемии нет, но у нас все не безнадежно (женщина, 55 лет, Москва).*

А вот проведение общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ в июле 2020 г. заметно уменьшило удовлетворенность граждан антиковидными мерами власти, снизило веру граждан в социальную ответственность руководства страны. Многие участники фокус-групп негативно восприняли инициативу властей провести массовое мероприятие во время пандемии, недовольны они были и информационной политикой официальных медиа, сопровождавшей голосование по поправкам и заметно снизившей на это время COVID-алармистский дискурс. Снижение «градуса тревожности» дискурса в преддверии референдума было воспринято участниками фокус-групп как распространение в массовом сознании ложного ощущения безопасности, что могло вызвать рост заболеваемости COVID-19 среди населения.

- *Ситуация с голосованием по поправкам – очень странная, не вызывающая доверия. Получается, что на время выборов ситуация как будто нормализовалась, хотя до выборов люди жили под жесткими ограничениями. В преддверии голосования эпидемиологическая ситуация успокоилась, все стало «зашибись». Выборы прошли и опять всех «закрыли», ситуация снова стало плохой, опять стало расти количество заболевших (женщина, 18 лет, Москва).*

Хотя многие участники фокус-групп почувствовали некоторый всплеск взаимопомощи и взаимовыручки в ближнем кругу, появился ряд проектов волонтерской помощи, кто-то благодаря переходу на удаленную работу смог открыть для себя новые направления профессиональной и творческой самореализации, все же пандемия коронавируса и вынужденная самоизоляция прямо способствовали сокращению социальных контактов и усилению социальной разобщенности.

- У меня такое впечатление, что из-за режима изоляции, из-за того, что все сидят дома, страна очень сильно разобщается. Люди сидят по домам, становятся все более замкнутыми, закрытыми. Несмотря на то, что многие постоянно общаются в соцсетях и интернете, все равно теряется живая человеческая общность, единство (женщина, 31 год, Москва).

Серьезное деконсолидирующее влияние на общественную коммуникацию оказало отношение к вакцинации. Главным раздражающим людей фактором является фактически обязательный характер вакцинации.

- У нас на заводе принудительная прививочная кампания. Из нашего коллектива привились пять человек, и трое из них сразу же заболели. Логично, что многие сделали очень простой вывод: вакцинация – не эффективна, и не стоит так настойчиво принуждать людей к прививке. Но сейчас требование вакцинации буквально насильственное, я не понимаю таких мер. Такое принуждение бессмысленно даже с научной точки зрения, поскольку получается, что мы прививаемся в пандемию, несмотря на то, что, согласно медицинским учебникам, это запрещено. Необходимо было прививать летом, когда заболеваемость была ниже, а не тогда, когда все госпитали оказались занятыми (женщина, 46 лет, ВО).

- Вижу, что вокруг меня значительно выросло недовольство народа в связи с принудительной вакцинацией. Люди очень недовольны принуждением (женщина, 38 лет, ВО).

Введение QR-кодов, закрепляющих по сути принудительный характер вакцинации, также воспринималось гражданами резко негативно. Многие участники фокус-групп соглашались с необходимостью массовой вакцинации граждан в ситуации эпидемии, но отсутствие долговременных испытаний российских вакцин и наблюдений последствий их применения, а также невозможность вакцинироваться зарубежными вакцинами вызывали массовое недовольство респондентов во всех регионах социологического исследования.

- Вот такой принудительной вакцинации, как сейчас, быть не должно. Если кто-то хочет, пусть он вакцинируется. Чтобы не было такого, что невозможно попасть в торговый центр, выйти на улицу без прививки (женщина, 32 года, РБ).

- Я сотрудник банка и меня сейчас очень беспокоит возможность моего увольнения, в случае если я не сделаю прививку. В банке, где я работаю, постоянно циркулирует информация об отстранении от работы не вакцинированных сотрудников. Получается, руководство банка озвучивает прямые угрозы увольнения тех, кто не хочет вакцинироваться непроверенными препаратами. Я считаю, что вакцинация не должна навязываться, она должна быть добровольной (женщина, 32 года, РБ).

- Какой-то дискомфорт вызывают требования QR-кодов, возможность без них и, получается, без прививки сходить, куда хотел. Эти внешние ограничения очень неприятны. Но в рабочем коллективе у нас все спокойно, с коллегами по вопросу отношения к вакцинации не ругаемся (мужчина, 21 год, ВО).

- Ситуация вообще непонятная. Я не понимаю эти фактически требования чипирования, все эти ограничения. Сейчас QR-коды требуют, хотя раньше говорили о добровольной вакцинации. Но прививка – всегда дело добровольное, человек должен думать в первую очередь о собственной безопасности, затем о безопасности окружающих. Возможно, вакцинация – это правильная, хотя и радикальная мера, необходимая чтобы остановить эпидемию. Но для нас такие меры диковаты, первый раз мы сталкиваемся с принуждением такого рода. Раньше были чума, лихорадки, мы этого не застали, поэтому люди не знают, как правильно реагировать на эпидемию (мужчина, 37 лет, ВО).

- Методы [принуждения к вакцинации] почти как в концлагерях (женщина, 46 лет, ВО).

Вопрос личной готовности вакцинироваться не только породил массу споров и даже конфликтов, но и серьезно разделил российское общество, заметно ослабив степень социальной консолидированности. Даже в ходе проведения фокус-групп участники эмоционально спорили друг с другом о необходимости и личной готовности вакцинироваться. Причем если участники московской фокус-группы рассуждали скорее как наблюдатели дебатов по поводу прививочной кампании, то участников фокус-групп из Башкирии и Вологодской области дискуссия о необходимости всеобщей вакцинации беспокоила самым прямым образом, заставляя в ходе беседы занимать позицию либо сторонников, либо противников вакцинации. Вместе с тем многие участники московской фокус-группы признавались, что либо уже вакцинировались, либо собираются сделать это.

- Именно под влиянием последних событий, под влиянием того, что мы слышим из СМИ о коронавирусе и, соответственно, о необходимости вакцинироваться, очень многие мои знакомые ссорятся между собой, не приходят к консенсусу об обязательной вакцинации. Вакцинация стала как бы критерием, ограничивающим или не ограничивающим права людей, исходя из того, вакцинированы они или нет (женщина, 41 год, Москва).

- Руководство компании, ситуацию в которой я хорошо знаю, долго решало, кого же отправить на удаленную работу. Потому что нужно отправить на удаленку 30% сотрудников, а в компании есть как вакцинированные, так и не вакцинированные люди. И руководство компании решило отправлять на удаленную работу скорее тех, кто вакцинировался, чтобы не вакцинированные не расслаблялись и не думали, что они легко отделаются, чтобы

не вакцинированные чаще ходили на работу. Получается, перевод на удаленный режим работы не имел фактически четкого критерия выбора сотрудников и мог использоваться, к примеру, руководителем для сведения счетов с кем-то из сотрудников (женщина, 41 год, Москва).

Если среди участников московской фокус-группы преобладали скорее сторонники вакцинопрофилактики, то участники фокус-групп в Вологодской области и в Башкирии чаще критически высказывались о необходимости вакцинации.

- *Мне кажется, требованиями вакцинации ущемляют наши права. Если ты не хочешь прививку делать – не делай, если хочешь – делай. Вот приходит человек делать прививку от коронавируса, его не спрашивают, можно или нет ему делать прививку, просто осматривают, слушают. Я недавно сходила к врачу, и оказалось, у меня аллергия и нельзя делать прививку; и если бы я не посетила врача буквально случайно, в преддверии возможной вакцинации, я бы не знала, что имею противопоказания к вакцинации. Но в результате, несмотря на медицинские противопоказания к вакцинации, я без QR-кода не могу, к примеру, сходить в театр (женщина, 20 лет, ВО).*

Среди участников фокус-групп в Вологодской области и в Башкирии немало было и тех, кто рационально рассуждал о необходимости беречь свое здоровье и сделать прививку.

- *В требованиях вакцинации нет никаких ограничений прав человека. Если это требуется для формирования коллективного иммунитета и для общей безопасности, надо сделать прививку. И вы, попав в больницу с ковидом, к примеру, без прививки, будете именно так рассуждать (женщина, 49 лет, ВО).*

Были и те, кто не столкнулся с принуждением к вакцинации и не понимал агитации окружающих.

- *Меня никто не заставляет делать прививку, меня эта ситуация не затрагивает (мужчина, 53 года, ВО).*

В ситуации общего раздражения принудительным характером многих антиковидных мер общественное недовольство провоцировалось даже требованием ношения в публичном месте средств индивидуальной защиты (масок и перчаток).

- *Напрягает, если честно, масочный режим. Что в автобусах, что в магазинах. Люди относятся друг к другу напряженно. Не знаешь: человек здоров или нет, ты заразишься или пронесет (мужчина, 53 года, ВО).*

- *В обществе есть напряжение из-за недовольства требованием ношения масок. Есть люди, которым безразличен масочный режим, кто-то спокойно носит. Есть те, кто с трудом выполняет требование носить маску в общественных местах. От масок толку нет, так как их менять нужно через каждые два часа. Это сочетание навязывания, необходимости и неудобства по-*

рождает негатив, который выливается в общественное раздражение (мужчина, 37 лет, ВО).

- *Что касается масочного режима, то у нас в области маски люди носят, это требование никого особенно не раздражает. А вот когда мы летом ездили с семьей на юг, нас чуть не избили, когда мы надели маски в магазине, поскольку там это требование совсем не соблюдается, и люди подумали, что мы – инфицированы коронавирусом. И по какой-то причине там нет особенно выдающегося числа заболевших, там нет даже многогоспиталя (женщина, 46 лет, ВО).*

Дополнительное недовольство граждан сопряжено с информационной политикой государства и с медийным сопровождением кампании по вакцинации от коронавируса. Тиражируемый официальными СМИ дискурс противопоставления вакцинированных и невакцинированных граждан воспринимается как деконсолидирующий и конфликтогенный.

- *Из-за различных мнений по вопросу коронавируса в обществе сейчас чувствуется некоторая агрессивность. Это наглядно видно в соцсетях: отношения напряженные, люди разделились на два лагеря. Ситуация с коронавирусом показала проблему общественного ожесточения (женщина, 33 года, ВО).*

- *Нас искусственно разобили: сначала заявили, что есть здоровые и больные, затем – вакцинированные и не вакцинированные, не переболевшие и переболевшие. Людям даже не нужно думать, почему кто-то не вакцинируется, уже предложена простая логика деления на «свой» – «чужой» (женщина, 46 лет, ВО).*

Распространению социальной агрессии и нетерпимости способствует и общий алармистский дискурс медиа, нагнетающий негативные настроения и тиражирующий «токсичную» повестку дня. Участники фокус-групп были недовольны тем, что алармистскую медийную повестку транслируют и традиционные СМИ (телевидение, радио, печатная пресса), и электронные медиа (социальные сети, телеграмм, интернет вообще).

- *Нагнетание напряженности по вопросу и коронавируса, и особенно вакцинации, как мне кажется, происходит и в соцсетях, и в СМИ, и по телевидению. В последнее время у меня было желание вообще отказаться от социальных сетей, потому что телевизор сейчас все смотрят меньше, а общение в социальных сетях происходит только вокруг темы коронавируса и просто невозможно в этой агрессивной информационной политике жить... В последнее время идет постоянное нагнетание: все плохо, мы умираем, там убили, там обокрали, там оскорбили, все перералось. Вот это нагнетание в интернете [идет] в дополнение к аналогичным сообщениям из телевизора. Будьте осторожны, будьте внимательны, маску носите, туда не ходите, сюда не ходите; и психологически ты попадаешь в состояние какого-то ко-*

матоза, когда невозможно объективно разобраться, все ли уже так плохо или еще пока не совсем. Очень сложно ориентироваться в колоссальном потоке информации, преимущественно негативной при этом (женщина, 55 лет, Москва).

Учитывая, что граждане мало доверяют любой информации о коронавирусе, тиражируемой и традиционными, и цифровыми медиа, любое эмоциональное освещение COVID-тематики воспринимается россиянами как несущее в себе заряд общего негатива и потенциал социальной дезинтеграции.

• *Нет, я точно не доверяю никакой официальной информации о коронавирусе. На свете существует большое количество стран, например в Африке, где вообще никто не регистрирует заболевших, выздоровевших или вакцинированных. Учитывается статистика лишь тех стран, которые ее собирают, официально публикуют. Так что любая коронавирусная статистика всегда очень условна. Хотя я внутренне уверен, что у нас, в России, по сравнению с европейскими странами дела с коронавирусом обстоят заметно хуже. Я сильно не слежу за всеми нововведениями, но стараюсь как-то защититься от вируса, вакцинироваться (мужчина, 52 года, Москва).*

Заявления официальных властей и представителей российской системы здравоохранения о необходимости вакцинации, по мнению участников фокус-групповых бесед, были недостаточно научно обоснованы, слабо аргументированы достоверной научной информацией о вирусной инфекции COVID-19 и о современных международно признанных стратегиях профилактики заболевания. При отсутствии просвещения тиражируемые медиа, эмоциональные призывы вакцинироваться лишь провоцировали среди граждан противостояние и эмоциональную непримиримость сторонников и противников вакцинации.

• *Ситуация с прививками очень сильно нагнетается медиа. Даже официальные СМИ, Первый канал, транслируют ерунду про чипирование через прививки. Даже в формате бреда эта информация сообщается, люди это слышат. У меня есть родственница, которая говорит, что, если она сделает прививку, ее чипируют и будут управлять через сети 5G. И это при том, что она не знает, что такое 5G или 4G, но уверена, что управлять ею будут, потому что телевидение, даже критикуя такую ерунду, вкладывает ее людям в голову (мужчина, 38 лет, ВО).*

Нежелание многих граждан вакцинироваться было в том числе и следствием относительно спокойной эпидемиологической ситуации в месте их проживания. Большинство участников фокус-групп, как и их близкие, не сталкивались с трагическими прецедентами гибели окружающих людей или массового заражения коронавирусом, так что многие не воспринимали угрозу вируса и его послед-

ствий с искренним страхом. Сама возможность заболеть воспринималась спокойно, а к заболевшим относились с сочувствием.

- *Да в семье все спокойно, на работе тоже никто ни на кого не косится. Скорее сочувствуют, если заболел кто-то из близких. У нас пока в коллективе никто не болел (женщина, 47 лет, ВО).*

- *Я в общежитии живу. У нас все спокойно, хотя люди болеют. Когда я заболела в прошлом году, пришлось домой уехать. А студенческая группа была на карантине, все сидели по домам, но больше никто не заболел. И соседки по комнате не заболели. На меня из-за карантина никто не обиделся (женщина, 20 лет, ВО).*

Однако же к тем, кто заболел и, пренебрегая требованиями самоизоляции, заразил окружающих, как свидетельствовали участники фокус-групп, общество относилось резко негативно и даже презрительно, без сострадания или сочувствия. Это отсутствие эмпатии и жалости могло быть следствием либо естественного желания отгородиться от опасности, либо анонии деконсолидированного общества, где сострадание распространяется только на ближний круг людей.

- *У нас один человек не привился и заболел. Ходил на работу и никому не сказал, что болеет. Этот сотрудник в кабинете заразил еще троих человек и теперь его все ненавидят, ненависть колоссальная (женщина, 46 лет, ВО).*

Неслучайно многие информанты замечали, что отношение к вакцинации стало индикатором общественной деконсолидированности, зеркалом, отразившим давнюю разобщенность российского общества.

- *Споры о необходимости вакцинироваться показывают, насколько у нас разнородное общество. Прежде всего по уровню образования и заботы о собственном здоровье и об окружающих. Я спрашиваю соседа: «Ты почему не привился?». А он мне отвечает: «Я боюсь». А в реанимации лежать ты не боишься? Или это не так страшно, как привиться? Многие люди просто не понимают окружающей их опасности (мужчина, 60 лет, ВО).*

Объединяющий потенциал социальных медиа

COVID-карантин, массовая изоляция перевели работу, учебу и общение многих россиян в онлайн-формат. Во время COVID-карантина почти все школьники и студенты перешли на удаленное обучение, предполагавшее ежедневные видеоуроки или видеолекции на платформе Zoom. Многим представителям работающей молодежи пришлось освоить работу в удаленном формате, в их повседневную жизнь вошли видеоконференции и регулярные рабочие интернет-чаты. Заметно расширила ковид-самоизоляция и арсенал развлечений, доступных в интернет-сети. Те, кто еще не был в сети, туда пришли, те, кто уже был, заметно улучшили навыки

интернет-пользования и обзавелись надежными средствами виртуальной коммуникации (гаджетами, интернет-провайдерами и т. д.).

Быстрая цифровизация, увеличивающееся число контактов и коммуникаций, обширные возможности поиска информации и публичных онлайн-дискуссий оказывают заметное влияние и на процессы общественной консолидации. Само распространение информационных технологий в стране участники фокус-групп оценивали как однозначное благо, соглашаясь с высокой оценкой уровня цифровизации повседневной жизни в России.

- *Жизнь меняется, технологии проникают всюду, все становится дистанционным, все становится онлайн, все что угодно [можно] купить, доставить, привезти. Это хорошо и прекрасно, что этот глобальный тренд нас, россиян, не обошел стороной (мужчина, 52 года, Москва).*

Многие участники фокус-групп замечали, что, хотя мессенджеры и социальные сети заметно способствуют автономности и индивидуализму людей, цифровые ресурсы коммуникации являются важным средством оперативного общения, позволяют привлекать внимание сограждан и властей к острым и значимым проблемам, оперативно реагировать на них или организовывать волонтерские проекты.

- *Мессенджеры помогают агрегировать информацию по какой-то теме, а также консолидировать общественный интерес к какой-то теме, создать общественный резонанс, оказывать таким образом общественное давление, если это нужно. Мессенджеры очень помогают в кооперации, взаимодействии между далекими друг от друга людьми или между большим количеством людей. В общем, с одной стороны, гаджеты делают нас какими-то замкнутыми на себе, отдаленными друг от друга, но, с другой стороны, есть очень много проектов, в том числе и благотворительных, где люди действительно находят друг друга в интернете и благодаря интернету (женщина, 22 года, Москва).*

При этом среди многих современных россиян циркулируют «традиционные» родительские опасения по поводу негативного влияния интернета и социальных сетей на культурно-нравственное воспитание детей. Хотя такая обеспокоенность влиянием цифровой коммуникации на установки и ценности молодых людей не носит алармистского характера.

- *Не только родители воспитывают детей, детей воспитывает и среда, интернет ежедневно влияет на наши будущие поколения, и кого бы в пример мы, как родители, не приводили детям, они все равно будут брать пример именно со своих нынешних героев (женщина, 34 года, РБ).*

Участники фокус-групп высказывали недовольство дистанционным обучением, связанное с неуверенностью родителей в воз-

возможности детей получить качественное образование без прямого контакта с учителем.

- *Дистанционное обучение – это, конечно, вынужденная мера. Как бы ни искали в дистанте преимущества и достоинства, он все-таки не дает никакого глубокого последовательного образования, так что молодежь объективно остается необразованной (женщина, 34 года, РБ).*

Вместе с тем многие родители признают, что активное использование молодежью цифровых технологий повышает мобильность молодых людей, мотивирует их быстро искать необходимую информацию, оперативно реагировать на актуальные вызовы повседневности.

- *Плюсы [включения молодежи в интернет-коммуникацию] – это мобильность детей, они быстро ориентируются в потоке информации, быстро соображают. Это их преимущество (женщина, 34 года, РБ).*

Несмотря на свободный доступ к интернету и активное использование социальных сетей, участники фокус-групп признавались, что не доверяют однозначно ни одному из известных им СМИ. А интернет-сайты, блоги, социальные сети, телеграмм-каналы не пользуются значительно бóльшим доверием в сравнении с традиционными телевидением, печатной прессой или радио. В отсутствие доверия те или иные медийные источники информации не только не могут консолидировать свою аудиторию вокруг каких-либо событий, явлений, реакций на них, но, напротив, тиражируя околопандемийный алармистский дискурс, лишь усиливают раздражение и недовольство аудитории.

- *У меня нет однозначного доверия к конкретным СМИ, к конкретным информационным каналам или информационным ресурсам. Я для себя понимаю, что публикация в любом медиа – это всегда следствие интерпретации ситуации или новости автором, конкретным человеком. Это всегда субъективно, ведь одно и то же событие или [одну] ситуацию два человека воспримут по-разному, своеобразноотреагируют на нее (женщина, 18 лет, Москва).*

- *Нет, я не стал в пандемию доверять каким-то видам медиа больше или меньше, я по-прежнему осторожно воспринимаю всю информацию (мужчина, 52 года, Москва).*

Эпидемия коронавируса не изменила уровня доверия разнообразным источникам информации ни о вирусе COVID-19, ни о возможных способах противодействия ему. Напротив, информационная повестка самых разных медиа за два «коронавирусных» года породила у многих участников фокус-групп ощущение ангажированности всех информационных ресурсов, которые, как им кажется, вне зависимости от заявленной беспристрастности всегда так

или иначе тиражируют пропагандистские сообщения той или иной степени объективности.

- *Везде, в любых СМИ, есть какая-то, пусть минимальная, составляющая пропаганды, точка зрения той или иной стороны. И минимально всегда нужно понимать, что происходит в мире, какие стороны, какие интерпретации событий могут предлагаться зрителю. И лучше всего собирать вокруг несколько мнений, интерпретаций каких-то событий, чьих-то действий. И обычно достаточно бегло пробежаться по ленте новостей, чтобы понять, что творится в мире. А лезть глубоко в какие-то дебри аналитики не стоит: любая интерпретация – всегда чья-то точка зрения (мужчина, 52 года, Москва).*

- *Везде кто-то хочет донести до нас информацию так, чтобы мы видели ее конкретным образом, везде информация – в той или иной степени результат работы пропаганды. Я отслеживаю новости, чтобы примерно понимать, что происходит в мире, но близко к сердцу не принимаю никакую информацию. Читаю разные источники для общей осведомленности (женщина, 18 лет, Москва).*

- *Никакого [изменения доверия медиа за время пандемии не было], все воспринимаю одинаково, вся информация одинаково сомнительная (женщина, 55 лет, Москва).*

- *[Доверие медиа] не изменилось, я иногда читаю новости в газете, которую беру в магазине, иногда в интернете что-то смотрю. [Газету беру] в принципе любую, но ту, на которой новости – самые свежие, чтобы просто посмотреть, что люди читают, какую информацию получают в печатном формате. Но для сохранения объективной точки зрения я не доверяю никому, никаким конкретным информационным источникам. Я стараюсь регулярно получать всю фактическую информацию и фильтровать ее, имея таким образом наиболее объективную, полную оценку ситуации в стране и мире (мужчина, 20 лет, Москва).*

Многие участники фокус-групп признавались, что используют одновременно несколько информационных ресурсов для формирования более полной и по возможности объективной картины дня. Медиа воспринимаются не как источник достоверной информации или глубокой аналитик, но как ресурс пополнения новостной ленты.

- *[Читаю] самые разные информационные ресурсы, но прежде всего РБК, Лента.ру, где есть очень компактная лента новостей, есть короткая выжимка, которой мне хватает (мужчина, 52 года, Москва).*

Испытывая явный психологический дискомфорт от чрезмерно агрессивного или негативного стиля подачи информации и в электронных, и в традиционных медиа, участники фокус-групп указывали на свое стремление сохранять личное время и эмоциональное

спокойствие, по возможности не погружаясь глубоко в тему, анонсируемую медиа. Это обуславливает взвешенное отношение к новостям. Если раньше многие участники фокус-групп, по своему признанию, пытались глубоко исследовать те или иные, анонсируемые СМИ темы, искали нестыковки в освещении информационных сюжетов, находили дополнительные материалы для расширения картинки актуального положения дел, то сейчас многие просто пролистывают новостную ленту для того, чтобы лишь составить общее представление о происходящем.

- *Я пробегаю [взглядам] новости из разных источников, чтобы свести всю информацию воедино. Если несколько лет назад новости и аналитика на различных ресурсах прочитывались очень внимательно, «от корки до корки», полдня уходило на то, чтобы свести всю информацию к единому знаменателю, составить единую картину реальности, в которой нет противоречий, то сейчас я это делаю бегло и понимаю, что те же противоречия в интерпретации новостей различными ресурсами я неизбежно найду при желании. Сейчас я главным образом пытаюсь получить максимально полную информацию о последних новостях (женщина, 55 лет, Москва).*

- *Обычно смотрю новости на Яндексе, просматриваю различные соцсети, группы. Сегодня, конечно, каждый день дает очень много новостей, информационная повестка очень быстро меняется. Мне даже кажется, что люди сегодня стали более зависимы от новостей, они чаще смотрят новостные ресурсы и ожидают новостей в той или иной сфере, постоянно следят за обновлениями новостной повестки (женщина, 31 год, Москва).*

- *В принципе [я слежу за всеми новостями, и за теми], которые транслируют и по радио, и по телевизору, [и за теми, которые публикуют] в интернете, потому что, если нет никаких опровергающих доказательств того, что новость реальна, эта информация складывается в единую новостную картину. Другой вопрос, что разные информационные каналы интерпретируют одну и ту же новость по-разному, различными словами, с разными акцентами, но суть та же. И мне этого достаточно, чтобы понять, что происходит. Никаких откровений или полной честности в интерпретациях происходящего от интернета или телевидения я не жду (женщина, 31 год, Москва).*

Результаты опроса фокус-групп демонстрируют, что интернет, несмотря на расширение своей аудитории за счет представителей разных возрастных групп, продолжает оставаться преимущественно молодежным ресурсом информации и коммуникации. Но цифровые медиа, в силу разнообразия предлагаемого контента и довольно критического отношения молодых людей к любым источникам информации, не превращаются в выделенный информационный ресурс, не получают у молодежи «кредита доверия». Ин-

формацию в сети молодые россияне воспринимают также с большим недоверием. Но, если контент социальных медиа молодые люди воспринимают настороженно, то телевизионного контента они принципиально избегают. Причем это касается и телевизионного контента, доступного онлайн, т. е. на официальных страницах телеканалов в соцсетях и на сайтах.

- *Телевизор я не смотрю очень давно, больше 10 лет точно... Постепенно пропало даже доверие к любой информации из телевизора... (мужчина, 24 года, Москва).*

- *Доверие снизилось телевизору. Было низким, с началом пандемии стало еще ниже (женщина, 22 года, Москва).*

- *[Телевизионные новости] во времени повторяются, постоянно говорят одно и то же, и информация очень сильно цензурируется (женщина, 22 года, Москва).*

В свою очередь, участники фокус-групп старшего возраста часто обращаются к телевидению как к источнику актуальной информации и аналитики. Телевидение привлекает их четкостью и последовательностью предоставляемой информации, единообразным освещением тем. Это важно для пожилых людей, многие из которых стремятся узнать новости и не имеют времени, возможности или желания искать альтернативные точки зрения и сопоставлять их в поисках истины.

- *[Предпочитаю] телевидение, новости. Когда не спится, я могу «Вести» смотреть или «Вечер с Соловьевым», там нет дебатов как в интернете, все очень четко и понятно (мужчина, 52 года, Москва).*

Молодежь следует иной логике работы с информацией: современные молодые люди не всегда стремятся к поиску исчерпывающих сведений по той или иной проблеме и ориентируются на самостоятельный выбор значимых на их взгляд новостей. Они отслеживают ту новостную повестку, которая кажется важной именно им, а не редакции СМИ. Молодежи кажется, что хотя повестка интернет-новостей часто совпадает с телевизионной, однако по телевидению новостная картинка идет сплошным потоком, а главное – информационная повестка очень ангажирована и цензурирована. В то время как цифровые медиа предоставляют палитру различных мнений, дают возможность выбрать информацию, сравнить ее. Кроме того, социальные медиа, позволяют не только узнать информацию от первого лица, но и обсудить ее, дать ей оценку.

- *Какой-то телеконтент все равно в интернете появляется, поэтому некоторое представление о том, что показывают по телевизору, у меня есть. Но доверие телевизионным новостям очень низкое. Просто потому, что в телевизоре новости идут сплошным потоком, нет никакой возможности отфильтровать их, остановиться и задуматься над конкретным сообщением (мужчина, 24 года, Москва).*

- Недоверие к телевизору у меня возникло очень давно. Помню, я смотрел на протяжении определенного количества времени всю потоковую информацию, которая шла по телевизору – допустим, по Первому каналу. Сначала показывали новости, а сразу после – какие-то глупые российские сериалы, которые смотрела моя бабушка, затем – не очень интеллектуальные программы типа «Давай поженимся». Я просто смотрел и думал про себя, что это очень странный, неправильный контент для самого главного федерального канала страны. Мне казалось, что ни сериалы, ни низкосортные развлекательные шоу не являются подходящим контентом для центрального телеканала. Мне показалась неприятной даже мысль, что есть люди, которые вслед за новостями по Первому каналу смотрят всю ту чушь, что транслируют следом; что есть люди, в которых эта информация буквально вливается. И я для себя понял, что не хотел бы дальше смотреть такого рода телепередачи и не могу доверять каналу, на котором показывают такие несерьезные вещи, хотя канал позиционирует себя как главный федеральный (мужчина, 20 лет, Москва).

Дополнительным достоинством цифровых медиа участники фокус-групп называли традицию новых СМИ верифицировать публикуемые данные, тщательно проверять свой контент. Рекурсивность цифрового контента – его взаимосвязанность и с первоисточником, и с производными, последующими материалами – высоко оценивается молодежью за возможность максимально быстрого и одновременно полного формирования представления о том или ином событии, проблеме.

- Главным достоинством цифрового контента является то, что в интернете новости всегда представлены в контексте. Если читаешь статью, то понятно, что автор ссылается на конкретные фактические данные, которые можно проверить. Приведены какие-то цифры, какие-то нормативные акты, достоверность которых всегда можно проверить. А значит, автор позаботился о том, чтобы его сообщение или статья были достоверными, постарался изложить информацию более-менее объективно. Кроме того, в интернете всегда есть возможность сравнить представленные факты, в интернете меньше ограничений на представление своей точки зрения: споры, дебаты здесь возможны и привычны, в отличие от телевизора. Телевидение максимально цензурировано сегодня, там практически невозможно услышать какую-то откровенно вольную интерпретацию событий, особенно остро актуальных. Даже на разных каналах преобладает, как правило, одна и та же точка зрения, представленная в разных стилях. Даже жаркие дебаты или критика в телевизоре как правило ненастоящие, для вида, эдакая симуляция дискуссионности, и, главное, не предполагает какой-то реакции зрителя. В интернете все совсем иначе, можно искать дополнительные факты, сравнивать

изложение и интерпретацию, спорить, отстаивать свою точку зрения (мужчина, 20 лет, Москва).

Возможность верификации данных, предоставляемых теми или иными информационными источниками, оказывается для многих молодых людей определяющим фактором выбора определенных медийных ресурсов.

- *Для меня наиболее авторитетными являются буквально единицы из независимых СМИ и интернет-источников. Даже, наверное, только один – «***»; это единственный ресурс, которому я в принципе доверяю. И на этом мы заканчиваем. Есть еще телеканал «***», но его практически невозможно сегодня подключить (женщина, 22 года, Москва).*

- *Я доверяю ресурсу «***», прежде всего потому, что для меня, как [для] будущего врача и в принципе человека думающего, важна возможность применять критическое мышление. Важно, чтобы можно было проверить информацию, посмотреть ссылки, посмотреть доказательства... И в этом смысле «***» всегда приводит ссылки на оригинальные источники. Говоря предметно, если приводится информация о статье [в журнале Lancet] про эффективность вакцины «Спутник V», то «***» приводит не только ссылку на саму статью, но и данные разбора статьи экспертами, приводит перевод статьи на русском языке и т. д. (женщина, 22 года, Москва).*

И хотя участники фокус-групп прямо говорили о том, что ни один из информационных ресурсов не пользуется их абсолютным доверием, ощущение нарастающей новостной цензуры вместе с прямым делением медиа на прозападные и патриотические (после принятия «Закона об иностранных агентах») заметно ангажировали восприятие гражданами информации из различных источников, поставили информацию разных медиа в зависимость от симпатий аудитории консервативной идеологии или либеральной. Идеологическая подоплека восприятия информационных ресурсов и их контента потенциально деструктивна, поскольку может постепенно способствовать формированию идеологических лагерей, сложившихся вокруг «эхо-камер» или «пузырей фильтров», предлагаемых теми или иными медиа своей аудитории.

- *Так получается, что я отдаю предпочтение оппозиционным СМИ. Но я читаю их не потому, что поддерживаю их интерпретацию происходящего – с их интерпретацией я, кстати, не всегда бываю согласной – а потому, что они действительно аргументируют свои выводы и свое мнение, не голословно что-то утверждают, но приводят доводы в пользу той или иной точки зрения – это раз. И второе: я читаю еще зарубежные СМИ, потому что хочется увидеть еще и взгляд со стороны. Как это ни банально звучит, с новостями получается, что... истина действительно*

где-то посередине, и для того, чтобы ее установить, нужно сравнить (женщина, 41 год, Москва).

Виртуальное общение, в которое вовлечены многие пожилые и практически все молодые россияне, как показали фокус-групповые беседы, воспринимается как вынужденное и не способное заменить живое общение. Несмотря на интенсивное развитие интернет-коммуникаций и технологий, в пандемию очень многие россияне ощутили дефицит общения с реальными людьми.

- *Развиваются технологии. Это, конечно, очень удобно и, главное, быстро. Но определенный минус [развития технологий] в том, что цифровизация сокращает живое общение, которого всем сегодня очень сильно не хватает (женщина, 31 год, Москва).*

*Основные выводы, полученные
в ходе реализации исследовательских мероприятий*

На фоне пережитой в 2019-2021 гг. пандемии COVID-19 эмоции россиян были в целом сдержанно-пессимистическими. Пандемия показала низкий уровень межличностного доверия и социальной консолидации общества. Несмотря на единичные волонтерские акции и благотворительную помощь остро нуждающимся в ней группам россиян (пожилым, инвалидам, одиноким), эпидемия коронавируса лишь усилила разобщенность российского общества, подтвердив, что за ближний круг семьи, друзей и отдельных единомышленников поддержка и взаимопомощь распространяются очень редко. Хотя россияне относятся друг к другу скорее доверительно, примеров коллективных действий или коллективной помощи в российской повседневности немного.

Социальные медиа: интернет-сайты, блоги, социальные сети, телеграмм-каналы – не пользуются у россиян бóльшим доверием в сравнении с традиционными СМИ: телевидением, печатной прессой и радио. Многие информационные источники – как традиционные, так и цифровые – граждане используют параллельно для формирования более полной и по возможности объективной картины. Ко всем информационным ресурсам граждане относятся с определенной долей скепсиса, воспринимая любые медиа лишь как ресурсы для формирования ленты новостей.

Интернет, несмотря на свою разрастающуюся за счет представителей всех возрастных групп аудиторию, продолжает оставаться скорее молодежным ресурсом информации. При этом молодежь в принципе избегает телевизионного контента, даже доступного онлайн, и предпочитает готовой телевизионной повестке самостоятельный поиск новостей по интересующей тематике.

Информация о финансировании исследования

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00505) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 20-18-00505) at the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Вошева и др., 2021 – *Вошева Н.А., Камынина Н.Н., Короткова Е.О., Вошев Д.В.* Сравнительный анализ отношения населения к вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19 в зарубежных странах и в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 2. С. 220-226. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-2-220-226.

Емельянова и др., 2022 – *Емельянова Е.К., Горошко Н.В., Пацала С.В.* Ковидный нигилизм в условиях борьбы с пандемией COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2022. Т. 68. № 1. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-1-1.

Информационно-аналитический бюллетень, 2021 – Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) // Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922> DOI : 10.19181/INAB.2021.2 (дата обращения: 21.11.2022).

Кирзюк, 2021 – *Кирзюк А.А.* «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484-509. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1776.

Мосолов, 2020 – *Мосолов С.Н.* Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. Т. 120. № 5. С. 7-15. DOI: 10.17116/jnevro20201200517.

Первичко и др., 2020 – *Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Конюховская Ю.Е., Дорохов Е.А.* Восприятие COVID-19 населением

России в условиях пандемии 2020 года // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность. Т. 1 / ред. В.В. Рубцов и др. М.: Изд-во ГБОУ ВПО МГППУ, 2020. С. 71-99. URL: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/329394000> (дата обращения: 21.11.2022).

Рязанцев, Храмова, Смирнов, 2021 – *Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Смирнов А.В.* Социально-демографические аспекты вакцинации населения России в контексте пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 5. С. 1047-1056. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-5-1047-1056.

Социология пандемии, 2021 – Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 319 с.

Bergeron, Perkins, 2022 – *Bergeron A., Perkins R.* Psychological and Sociological Effects // *Principles in Nursing Practice in the Era of COVID-19* / ed. by Bergeron A., Perkins R., Ingebretson E., Holifield L. Dordrecht: Springer, 2022. P. 171-181. DOI: 10.1007/978-3-030-94740-8_10.

Berreby, 2005 – *Berreby D.* Us & Them: the Science of Identity. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 396 p.

Berrocal et al., 2021 – *Berrocal M., Kranert M., Attolino P., García S. S., Henaku N., Koffi A.-D. L. K., Marziani C., Mažeikienė V., Pérez D. O., Rajandran K., Salamurovic A.* Constructing Collective Identities and Solidarity in Premiers' Early Speeches on COVID-19: a Global Perspective // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021. Vol. 8. No. 128. DOI: 10.1057/s41599-021-00805-x.

Betsch, 2020 – *Betsch C.* How Behavioural Science Data Helps Mitigate the COVID-19 Crisis // *Nature Human Behaviour*. 2020. Vol. 4. No. 438. DOI: 10.1038/s41562-020-0866-1.

Bieber, 2020 – *Bieber F.* Global Nationalism in Times of the COVID-19 Pandemic // *Nationalities Papers*. 2020. Vol. 50. No. 1. P. 13-25. DOI: 10.1017/nps.2020.35.

Boguslavsky et al., 2022 – *Boguslavsky D.V., Sharova N.P., Sharov K.S.* Public Policy Measures to Increase Anti-SARS-CoV-2 Vaccination Rate in Russia // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No. 6. DOI: 10.3390/ijerph19063387.

Dryhurst et al., 2020 – *Dryhurst S., Schneider C. R., Kerr J., Freeman A. L. J., Recchia G., van der Bles A. M., Spiegelhalter D., van der Linden S.* Risk Perceptions of COVID-19 around the World // *Journal of Risk Research*. 2020. No. 23. P. 994–1006. DOI: 10.1080/13669877.2020.1758193.

El-Far Cardo et al., 2021 – *El-Far Cardo A., Kraus T., Kaifie A.* Factors That Shape People's Attitudes towards the COVID-19 Pandemic in Germany – The Influence of MEDIA, Politics and Personal Characteristics // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. No. 15. DOI: 10.3390/ijerph18157772.

Glöckner et al., 2020 – *Glöckner A., Dorrough A.R., Wingen T., Dohle S.* The Perception of Infection Risks during the Early and Later Outbreak of

COVID-19 in Germany: Consequences and Recommendations // PsyArXiv. 2020. May 14. DOI: 10.31234/osf.io/wdbgc

Gordillo Montaña et al., 2022 – *Gordillo Montaña M., Boned Torres S., Rodriguez L.* Psycho-COVID // *European Psychiatry*. 2022. Vol. 65. No. 3. P. 529-530. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2022.1353

Greco, 2021 – *Greco E.* COVID-19 and Safety on the Job: a Perspective from Sociology of Health // *Rivista Trimestrale Di Scienza Dell Amministrazione*. 2021. Vol. 19. No. 3. DOI: 10.32049/RTSA.2021.3.06

Kim, 2021 – *Kim K.* COVID-19 and the Stranger: A Study in Phenomenological Sociology // *Korean Journal of Social Theory*. 2021. Vol. 59. P. 1-32. DOI: 10.37245/kjst.2021.05.59.1.

Kreps et al., 2020 – *Kreps S., Prasad S., Brownstein J. S., Hsuen Y., Garibaldi B. T., Zhang B., Kriner D. L.* Factors Associated With US Adults' Likelihood of Accepting COVID-19 Vaccination // *JAMA Netw Open*. 2020. Vol. 3. No. 10. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2020.25594

Lam, 2021 – *Lam M. E.* United by the Global COVID-19 Pandemic: Divided by our Values and Viral Identities // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021. Vol. 8. No. 31. DOI: 10.1057/s41599-020-00679-5

Majid et al., 2020 – *Majid U., Wasim A., Bakshi S., Truong J.* Knowledge (Mis-) Conceptions, Risk Perception, and Behavior Change during Pandemics: A Scoping Review of 149 Studies // *Public Understanding of Science*. 2020. No. 29. P. 777-799.

Motta Zanin et al., 2020 – *Motta Zanin G., Gentile E., Parisi A.* A Preliminary Evaluation of the Public Risk Perception Related to the COVID-19 Health Emergency in Italy // *International Journal of Environmental Research Public Health*. 2020. Vol. 17. No. 9. P. 3024. DOI: 10.3390/ijerph17093024.

Nhamo et al., 2020 – *Nhamo G., Chikodzi D., Kunene H.P., Mashula N.* COVID-19 Vaccines and Treatments Nationalism: Challenges for Low-income Countries and the Attainment of the SDGs // *Global Public Health*. 2020. Vol. 16. No. 3. DOI: 10.1080/17441692.2020.1860249.

Oleksy et al., 2021 – *Oleksy T., Wnuk A., Gambin M., Łyś A.* Dynamic Relationships between Different Types of Conspiracy Theories about COVID-19 and Protective Behavior: A Four-Wave Panel Study in Poland // *Social Science & Medicine*. 2021. Vol. 280. DOI: 10.1016/j.socscimed.2021.114028.

Patil, 2021 – *Patil P.* Impact of COVID 19 on Indian Society // *A Sociological Perspective Article*. 2021. Vol. 10. No. 2. P. 27-35.

Paul et al., 2021 – *Paul K. T., Eberl J. M., Partheymüller J.* Policy-Relevant Attitudes Toward COVID-19 Vaccination: Associations with Demography, Health Risk, and Social and Political Factors // *Frontiers in Public Health*. 2021. Vol. 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.671896.

Pratiwi, Tsauro, 2021 – *Pratiwi F. I., Tsauro A. M.* COVID-19: Nationalism and Global Solidarities COVID-19 // *Masyarakat, Kebudayaan dan Politik*. 2021. Vol. 34. No. 3. DOI: 10.20473/mkp.V34I32021.261-271.

Sudharsanan et al., 2021 – *Sudharsanan N., Favaretti C., Hachaturyan V., Bärnighausen T., Vandormael A.* The Effect of Framing and Communicating COVID-19 Vaccine Side-effect Risks on Vaccine Intentions for Adults in the

UK and the USA: A Structured Summary of a Study Protocol for a Randomized Controlled Trial // *Trials*. 2021 Vol. 6. No. 22(1). DOI: 10.1186/s13063-021-05484-2.

Tang, Wong, 2003 – Tang C. S., Wong C.-Y. An Outbreak of the Severe Acute Respiratory Syndrome: Predictors of Health Behaviors and Effect of Community Prevention Measures in Hong Kong, China // *American Journal of Public Health*. 2003. Vol. 93. No. 11. P. 1887-1888. DOI: 10.2105/ajph.93.11.1887 31.

Wang et al., 2020 – Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C. S., Ho R. C. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19). Epidemic among the General Population in China // *International Journal Environmental Research Public Health*. 2020. Vol. 17. No. 1729. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7084952/> (дата обращения: 20.11.2022).

Ward et al., 2020 – Ward J. K., Alleaume C., Peretti-Watel P. The French Public's Attitudes to a Future COVID-19 Vaccine: The politicization of a Public Health Issue // *Social Science & Medicine*. 2020. Vol. 265. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113414.

Xu et al., 2022 – Xu Z., Pang J., Chi J. Through the COVID-19 to Prospect Online School Learning: Voices of Students from China, Lebanon, and the US // *Education Science*. 2022. Vol. 12. No. 7. DOI: 10.3390/educsci12070472.

References

Berreby, D. *Us & Them: The Science of Identity*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Berrocal, M., Kranert, M., Attolino, P., García, S.S., Henaku, N., Koffi, A.-D.L.K., Marziani, C., Mažeikienė, V., Pérez, D.O., Rajandran, K., Salamurovic, A. “Constructing Collective Identities and Solidarity in Premiers' Early Speeches on COVID-19: a Global Perspective”, *Humanities and Social Sciences Communications*, 2021, vol. 8, no. 128, doi: 10.1057/s41599-021-00805-x.

Betsch, C. “How Behavioural Science Data Helps Mitigate the COVID-19 Crisis”, *Nature Human Behaviour*, 2020, vol. 4, no. 438, doi: 10.1038/s41562-020-0866-1.

Bieber, F. “Global Nationalism in Times of the COVID-19 Pandemic”, *Nationalities Papers*, 2020, vol. 50, no. 1, pp. 13-25, doi: 10.1017/nps.2020.35.

Boguslavsky, D.V., Sharova, N.P., Sharov, K.S. “Public Policy Measures to Increase Anti-SARS-CoV-2 Vaccination Rate in Russia”, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, vol. 19, no. 6, doi: 10.3390/ijerph19063387.

Dryhurst, S., Schneider, C.R., Kerr, J., Freeman, A.L J., Recchia, G., van der Bles, A.M., Spiegelhalter, D., van der Linden, S. “Risk Perceptions of COVID-19 around the World”, *Journal of Risk Research*, 2020, no. 23, pp. 994-1006, doi: 10.1080/13669877.2020.1758193.

El-Far Cardo, A., Kraus, T., Kaifie, A. “Factors That Shape People's Attitudes towards the COVID-19 Pandemic in Germany – The Influence of MEDIA, Politics and Personal Characteristics”, *International Journal*

of Environmental Research and Public Health, 2021, vol. 18, no. 15, doi: 10.3390/ijerph18157772.

Emelyanova, E.K., Goroshko, N.V., Patsala, S.V. "Kovidnyy nihilizm v usloviyakh borby s pandemiyei COVID-19" [COVID Nihilism in the Fight against the COVID-19 Pandemic], *Sotsialnyye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Population Health], 2022, vol. 68, no. 1, doi: 10.21045/2071-5021-2022-68-1-1. (in Russian)

Glöckner, A., Dorrough, A.R., Wingen, T., Dohle, S. "The Perception of Infection Risks during the Early and Later Outbreak of COVID-19 in Germany: Consequences and Recommendations", *PsyArXiv*, 2020, May 14, doi: 10.31234/osf.io/wdbgc.

Gordillo Montaña, M., Boned Torres, S., Rodriguez, L. "Psycho-COVID", *European Psychiatry*, 2022, vol. 65, no. 3, pp. 529-530, doi: 10.1192/j.eurpsy.2022.1353.

Greco, E. "COVID-19 and Safety on the Job: A Perspective from Sociology of Health", *Rivista Trimestrale Di Scienza Dell Amministrazione*, 2021, vol. 19, no. 3, doi: 10.32049/RTSA.2021.3.06.

Informatsionno-analiticheskiy byulleten (INAB). Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh pandemii: god spustya (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki) [Information and Analytical Bulletin (INAB). Russian Society in a Pandemic: a Year Later (the Experience of Sociological Diagnostics)], 2021, no. 2. Available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922> DOI: 10.19181/INAB.2021.2 (accessed on November 21, 2022). (in Russian)

Kim, K. "COVID-19 and the Stranger: A Study in Phenomenological Sociology", *Korean Journal of Social Theory*, 2021, vol. 59, pp. 1-32, doi: 10.37245/kjst.2021.05.59.1.

Kirzyuk, A.A. "'U menya net strakha': kovid-dissidenty v poiskakh agentnosti i pravdy" ["I Have No Fear": COVID Dissidents in Search of Agency and Truth], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economical and Social Changes], 2021, no. 2, pp. 484-509, doi: 10.14515/monitoring.2021.2.1776. (in Russian)

Kreps, S., Prasad, S., Brownstein, J.S., Hsuen, Y., Garibaldi, B.T., Zhang, B., Kriner, D.L. "Factors Associated with US Adults' Likelihood of Accepting COVID-19 Vaccination", *JAMA Network Open*, 2020, vol. 3, no. 10, doi: 10.1001/jamanetworkopen.2020.25594.

Lam, M.E. "United by the Global COVID-19 Pandemic: Divided by our Values and Viral Identities", *Humanities and Social Sciences Communications*, 2021, vol. 8, no. 31, doi: 10.1057/s41599-020-00679-5.

Majid, U., Wasim, A., Bakshi, S., Truong, J. "Knowledge (Mis-) Conceptions, Risk Perception, and Behavior Change during Pandemics: A Scoping Review of 149 Studies", *Public Understanding of Science*, 2020, no. 29, pp. 777-799.

Mosolov, S.N. "Problemy psikhicheskogo zdorov'ya v usloviyakh pandemii COVID-19" [Mental Health Problems in the Context of the COVID-19

Pandemic], *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova*, 2020, vol. 120, no. 35, pp. 7-15, doi: 10.17116/jnevro20201200517. (in Russian)

Motta Zanin, G., Gentile, E., Parisi, A. "A Preliminary Evaluation of the Public Risk Perception Related to the COVID-19 Health Emergency in Italy", *International Journal of Environmental Research Public Health*, 2020, vol. 17, no. 9, p. 3024, doi: 10.3390/ijerph17093024.

Nhamo, G., Chikodzi, D., Kunene, H.P., Mashula, N. "COVID-19 Vaccines and Treatments Nationalism: Challenges for Low-income Countries and the Attainment of the SDGs", *Global Public Health*, 2020, vol. 16, no. 3, doi: 10.1080/17441692.2020.1860249.

Oleksy, T., Wnuk, A., Gambin, M., Łys, A. "Dynamic Relationships between Different Types of Conspiracy Theories about COVID-19 and Protective Behavior: A Four-Wave Panel Study in Poland", *Social Science & Medicine*, 2021, vol. 280, doi: 10.1016/j.socscimed.2021.114028.

Patil, P. "Impact of COVID 19 on Indian Society", *A Sociological Perspective Article*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 27-35.

Paul, K.T., Eberl, J.M., Partheymüller, J. "Policy-Relevant Attitudes Toward COVID-19 Vaccination: Associations with Demography, Health Risk, and Social and Political Factors", *Frontiers in Public Health*, 2021, vol. 9, doi: 10.3389/fpubh.2021.671896.

Pervichko, Ye.I., Mitina, O.V., Stepanova, O.B., Konyukhovskaya Yu.Ye., Dorokhov, Ye.A. Vospriyatiye COVID-19 naseleniyem Rossii v usloviyakh pandemii 2020 goda [Perception of COVID-19 by the Russian Population in the Context of the 2020 Pandemic]. In: *Vyzovy pandemii COVID-19: psikhicheskoye zdorov'ye, distantsionnoye obrazovaniye, internet-bezopasnost* [Challenges of the COVID-19 Pandemic: Mental Health, Distance Education, Internet Security], vol. 1. Moscow: Publ. House GBOU VPO MGPPU, 2020, pp. 71-99. Available at: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/329394000> (accessed on November 21, 2022). (in Russian)

Pratiwi, F.I., Tsauro, A.M. "COVID-19: Nationalism and Global Solidarities COVID-19", *Masyarakat, Kebudayaan dan Politik*, 2021, vol. 34, no. 3, doi: 10.20473/mkp.V34I32021.261-271.

Ryazantsev, S.V., Khramova, M.N., Smirnov, A.V. "Sotsialno-demograficheskiye aspekty vaktsinatsii naseleniya Rossii v kontekste pandemii COVID-19" [Socio-Demographic Aspects of Vaccination of the Russian Population in the Context of the COVID-19 Pandemic], *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Issues of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine], 2021, vol. 29, no. 5, pp. 1047-1056, doi: 10.32687/0869-866X-2021-29-5-1047-1056. (in Russian)

Sotsiologiya pandemii. Proyekt koronaFOM [The Sociology of the Pandemic. CoronaFOM Project]. Moscow: Institut Fonda Obshchestvennoye Mneniye (inFOM) Publ., 2021. (in Russian)

Sudharsanan, N., Favaretti, C., Hachaturyan, V., Bärnighausen, T., Vandormael, A. "The Effect of Framing and Communicating COVID-19 Vaccine Side-effect Risks on Vaccine Intentions for Adults in the UK and the

USA: A Structured Summary of a Study Protocol for a Randomized Controlled Trial”, *Trials*, 2021, vol. 6, no. 22(1), doi: 10.1186/s13063-021-05484-2.

Tang, C. S., Wong, C.-Y. “An Outbreak of the Severe Acute Respiratory Syndrome: Predictors of Health Behaviors and Effect of Community Prevention Measures in Hong Kong, China”, *American Journal of Public Health*, 2003, vol. 93, no. 11, pp. 1887-1888, doi: 10.2105/ajph.93.11.1887 31.

Vosheva, N.A., Kamynina, N.N., Korotkova, E.O., Voshev, D.V. “Sravnitelnyy analiz otnosheniya naseleniya k vaktsinatsii ot koronavirusnoy infektsii COVID-19 v zarubezhnykh stranakh i v Rossii” [Comparative Analysis of the Attitude of the Population to Vaccination against COVID-19 Infection in Foreign Countries and in Russia], *Problemy sotsialnoj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny*, 2021, vol. 29, no. 2, pp. 220-226, doi: 10.32687/0869-866X-2021-29-2-220-226. (in Russian)

Wang, C., Pan, R., Wan, X., Tan, Y., Xu, L., Ho, C.S., Ho, R.C. “Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19). Epidemic among the General Population in China”, *International Journal Environmental Research Public Health*, 2020, vol. 17, no. 1729. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7084952/> (accessed on November 20, 2022).

Ward, J.K., Alleaume, C., Peretti-Watel, P. “The French Public’s Attitudes to a Future COVID-19 Vaccine: The politicization of a Public Health Issue”, *Social Science & Medicine*, 2020, vol. 265, doi: 10.1016/j.socscimed.2020.113414.

Xu, Z., Pang, J., Chi, J. “Through the COVID-19 to Prospect Online School Learning: Voices of Students from China, Lebanon, and the US”, *Education Science*, 2022, vol. 12, no. 7, doi: 10.3390/educsci12070472.

Поступила в редакцию: 23.11.2022

Принята к публикации: 05.12.2022